

Хисао Канамори
Дзюн Вада

ЯПОНИЯ—
МИРОВАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ДЕРЖАВА

СОДЕРЖАНИЕ

От переводчика	3
Предисловие	16
Введение	19
Симптомы оживления мировой экономики	19
Два сценария	22
Будущее мировой экономики	24
Будущее мировой торговли	27
Потенции роста японской экономики	31
Внутренний спрос в 80-е годы	32
Японский экспорт	33
Японский импорт	36
Структура японского платежного баланса	37
Обязанности Японии	39
Нефть подвластна экономическим законам	43
Ослабление позиций ОПЕК и цены на нефть	44
Малая вероятность третьего нефтяного кризиса	48
Энергетический баланс Японии	54
Мировая экономика на пути к оживлению	59
Ключевая роль американской экономики	60
Преодоление болезненных явлений в экономике развитых капиталистических стран и корректировка экономической политики	64
Перспективы мировой экономики в 80-е годы	70
Неуклонное расширение мировой торговли	78
Резкие сдвиги в структуре мировой торговли	79
Дальнейшее усиление зависимости от внешней торговли	85
Три барьера. Как их преодолеть?	98
Особенности и эволюция проблемы задолженности	99
Труднодостижимая стабильность международной валютной системы	105
Внешнеторговые противоречия неустранимы	110
Новый старт японской экономики	120
Важность возрождения веры в экономический рост	121
Внушительные потенции роста японской экономики	128
Японская экономика в 1990 г.	134
Диверсификация личного потребления и софтизация экономики	140
Направления перемен в личном потреблении	141
Широкая перестройка экономической структуры	152
Стремительный поток технического обновления	163
Выход на высший мировой технический уровень	164
Электроника — в центре технического прогресса 80-х годов	168
Повышение конкурентоспособности техники и будущие задачи	176

Японский экспорт 80-х годов: ведущая роль машиностроения	182
Замедление роста экспорта	183
Диверсификация лидирующих товаров	189
Развивающиеся страны — главный рынок	196
Японский импорт: открытие обширного рынка	201
Четыре особенности 80-х годов	202
Сдвиги в товарной структуре импорта	208
Необходимость открытия рынка	214
Проблемы очередного рывка	221
Положительное сальдо торгового баланса и регуляционные меры внешнеэкономической политики	222
Экономическая политика и оздоровление государственных финансов	231
Предстоящая роль японской экономики	237

Хисао Канамори, Дз

ЯПОНИЯ — МИРОВАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕРЖАВА

Редакторы *М. А. Унке, В. И. Нестьев*. Младший редактор *Н. В. Беришвили*. Художник *В. В. Локишин*. Художественный редактор *Б. Л. Резников*. Технический редактор *Г. А. Никитина*. Корректор *Л. С. Кузнецова*

ИБ № 15596

Сдано в набор 20.12.85. Подписано к печати 29.04.86. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 15. Усл. кр.-отт. 15,38. Уч.-изд. л. 17,25. Тираж 10 000 экз. Изд. № 6011. Зак. № 1067. Цена 1 р. 10 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»

Главная редакция восточной литературы. 103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». 107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Хисао Канамори
Дзюн Вада

**ЯПОНИЯ—
МИРОВАЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ДЕРЖАВА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1986

ББК65.9(5Я)
К19

Канамори Хисао, Вада Дзюн
КОКУСАЙ КЭЙДЗАЙ КОККА НИППОН
Токио, 1983

Перевод с японского

В. Б. РАМЗЕСА

Ответственный редактор

В. Н. ХЛЫНОВ

Канамори Хисао, Вада Дзюн
К19 Япония — мировая экономическая держава.
Пер. с яп. и вступ. ст. В. Б. Рамзеса. Примеч.
В. Н. Хлынова. М.: Главная редакция восточной
литературы издательства «Наука», 1986.

240 с.

В книге многоплановому и глубокому анализу подвергается процесс интернационализации японской экономики. Авторы дают всестороннюю характеристику современного состояния мировой рыночной экономики в целом и тех областей, в которых роль Японии особенно значительна (внешняя торговля, инвестиционная деятельность и т. д.). В работе приводится широчайший набор показателей, всесторонне характеризующих японскую экономику. Авторы предлагают обстоятельную оценку перспектив развития выявившихся ныне тенденций.

К 0604040000-122
013(02)-86 КБ-12-1-86

ББК 65.9(5Я)

- © Hisao Kanamori/Jun Wada
The Japan Economic Research Center 1983.
© Перевод, вступ. ст. и примечания:
Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1986.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

За последние три десятка лет экономическое прогнозирование приобрело в Японии характер общенационального увлечения. Государственные деятели и фирменные администраторы, ученые и журналисты, одиночки-любители и коллективы профессионалов неустанно информируют читающую публику о своих взглядах на будущее экономики страны.

Конечно, продукты этого массового творчества «весьят» далеко не одинаково. Но разработки Управления экономического планирования, научно-исследовательских институтов при крупнейших корпорациях, ведущих экономистов, безусловно, *служат важными ориентирами для конкретной хозяйственной политики на микро- и макроуровне.*

Особенно много прогнозов появилось во время достопамятного бума 60-х годов, когда японский валовой национальный продукт (ВНП) увеличивался невиданно высокими темпами. Их авторы, словно соревнуясь друг с другом, выступали со все более смелыми наметками экономических перспектив.

Кризис 1974—1975 гг. явился для подавляющего большинства прогнозистов неожиданным парализующим шоком. Он также усложнил выбор и обоснование прогнозных сценариев, поскольку в новой обстановке вариантность процесса экономического развития значительно возросла.

Тем не менее совершенно четко определились два основных подхода к составлению прогнозов.

Первый отражает глубокое разочарование ряда специалистов в курсе на стимулирование быстрого роста экономики, неизбежную убежденность в том, что перекосы, возникшие вследствие этого курса, в конце концов послужили толчком к кризису. Отсюда и крайняя сдержанность, осторожность их прогнозов, установки на различного рода ограничения, будь то экономия фирменных издержек или торможение темпов наращивания валового национального продукта.

Стремление изменить «табель о рангах», характерную для экономической политики 60-х — начала 70-х годов, форсировать качественное совершенствование, сдерживая количественную экспансию, типично и для второго подхода. Но, с точки зрения его сторонников, долговременное и строгое лимитирование, которое, в частности, нагнетает атмосферу всеобщей безынициативности и апатии, будит среди предпринимателей иждивенческие настроения, заставляя их чрезмерно рассчитывать на опеку со стороны государства, отбивает вкус к риску, противопоказано социально-экономическому механизму, создает больше проблем, чем решает. Соответственно и прогнозы членов этой, надо сказать, довольно немногочисленной группы предусматривают систему мер, в которой ляскающим регламентациям отводится относительно скромная роль и которая заметно активизирует свободную игру рыночных сил.

В японской экономической литературе первый подход обычно именуется «пессимистическим», а второй — «оптимистическим». Конечно, оба наименования условны, причем в особенности это касается последнего. Оптимизм внешних прогнозистов не имеет ничего общего с беспредельной самоуверенностью прошлого. Он выглядит весьма и весьма умеренным, даже робким и jakim-то, если угодно, бескрылым. Впечатление это объясняется просто. Даже те, кого относят к категории «оптимистов», отлично сознают серьезность проблем капиталистической, и в частности японской, экономики, остроту раздирающих их противоречий и не могут не сопровождать свои выкладки серией «заземляющих» реверансов, оговорок и допущений.

И все-таки именно «оптимистические» прогнозы представляют наибольший интерес: поскольку они исходят главным образом от отдельных лиц и учреждений, пользующихся прочным авторитетом в правительственных кругах и предпринимательской элите, вероятность энергичных попыток воплотить в жизнь намеченные ими сюжеты чрезвычайно высока.

Бесспорным лидером «оптимистического» направления в прогнозировании признается профессор Хисао Канамори, президент Японского центра экономических исследований, под руководством и при живейшем участии которого (авторство с ним разделяет сотрудник Центра Дзюн Вада) написана предлагаемая вниманию советских читателей книга (ее перевод публикуется с незначительными сокращениями).

Из строя прочих работ аналогичного толка книгу выделяют объем и разнообразие информационного обеспечения, точность определения узловых моментов анализа, размах и глубина изысканий, проведенных в русле сформулированных задач, трезвость преобладающей части оценок. В дополнение к этому необходимо упомянуть о внушительном полемическом накале всех без исключения разделов, а также о доходчивости и увлекательности изложения (немаловажное, но, увы, редкое качество экономических трудов!).

Чем внимательнее знакомишься с содержащимися в книге материалами, тем больше убеждаешься в том, что сам по себе прогноз не служит авторам самоцелью. Кропотливая расчетная работа, выводящая на широчайший набор показателей, используется в качестве отправного пункта для поучительных рассуждений о современном состоянии, возможных тенденциях и, самое основное, о развитии взаимных контактов, взаимной зависимости мировой и японской экономики в границах текущего десятилетия.

В высшей степени примечательным представляется при этом недвусмысленно зафиксированный факт окончательного превращения Японии в хозяйственную единицу глобального значения. На фоне развернутой Х. Канамори и Д. Вада картины быстро выявляется обезоруживающая наивность еще бытующего в академической общине мнения о жесткой закреплённости Японии за каким-то одним, произвольно очерченным экономико-географическим регионом, например за Тихоокеанским бассейном.

В действительности целый лабиринт крепнущих день ото дня прямых и обратных связей, не столь уж разительно контрастных по своей весомости, соединяет японскую экономику фактически со всеми звеньями мировой экономики. И динамика этих связей выступает как равнодействующая обоюдных влияний.

Здесь сразу же оговорим одно немаловажное обстоятельство. Х. Канамори и Д. Вада, употребляя выражение «мировая экономика», вкладывают в него подчас разный смысл. Хотя авторы стремятся подвергнуть анализу всю экономическую среду, окружающую Японию, т. е. практически все страны мира, их внимание сосредоточено (и это вполне естественно) прежде всего и главным образом на рыночном секторе мировой экономики. Иными словами, как легко убедится советский читатель, в подавляющем большинстве случаев, говоря о «мировой» экономике, авторы имеют в виду экономику капиталистическую (это явствует и из спектра анализируемых проблем, и из выводов, к которым приходят Канамори и Вада). Вместе с тем, когда речь заходит о таких категориях, как, например, общемировой валовой национальный (или внутренний) продукт, экспорт, импорт и т. п., понятие «мировая» экономика употребляется в привычном для советского читателя смысле, т. е. включает и рыночный, и социалистический секторы мирового хозяйства.

Утверждение Японии на позициях «мировой экономической державы» объясняется в первую очередь грандиозными масштабами вовлеченности в научно-технический прогресс, высокой концентрированностью освоения его авангардных участков. «Совершенно очевидно,— замечают авторы,— что достижения научно-технического прогресса нашли в индустрии широчайшее поле приложения и что совокупный технический потенциал Японии, теснейшим образом связанный с повседневным функционированием ее экономики, оказался на весьма высоком уровне» (с. 167).

Разноплановые, но неизменно кардинальные перемены, происходящие

благодаря техническому прогрессу и придающие реальные контуры «глобальному» статусу страны, говорят сами за себя.

Электронизация производственной и потребительской сфер успела достичь таких пиков, что ныне имеются все основания говорить о наступлении эпохи робото-компьютерной культуры. Ее проявления усматриваются не только в массовом выходе на рынок совершенно новых видов продукции, но и в обретении «старыми», но «электронизируемыми» видами неведомых ранее свойств.

Учет стандартов робото-компьютерной культуры позволяет должным образом судить о причинах, в силу которых намечается, может быть, и необратимое расхождение между векторами развития отдельных отраслей. Все чаще и чаще судьбы отраслей зависят от удельного веса высокотехнологичных производств, от способности непрерывно вбирать и мгновенно применять достижения электроники (тут уж не до того, чтобы класть изобретения под сукно!). Это — один из решающих факторов перестройки, которой охвачена японская экономика и которая одновременно меняет относительное положение тех или иных отраслей и взламывает традиционные межотраслевые границы, рождая новый облик индустриальной структуры.

Характерны мнения американских специалистов о структурных преобразованиях японской экономики. Так, профессор Йельского университета М. Дж. Пек пишет, что японцы «разработали смелые методы обращения с неудачниками в промышленности (США и Западная Европа редко оказываются способными на их применение)», что они «достигли высокой степени эффективности в деле разворачивания тех или иных отраслей, когда они конкурентоспособны, и свертывания их, когда они утрачивают конкурентоспособность. Например, к началу 70-х годов Япония развила алюминиевую промышленность до уровня второй в мире (по объему производства.— В. Р.), а затем, в конце десятилетия, когда ее продукция стала неконкурентоспособной, буквально „выкорчевала“ данную отрасль... Японцы сознают необходимость урезания размеров одних отраслей с тем, чтобы обеспечить рост других»¹.

Не мешает заметить, что в настоящее время состав передовых отраслей не исчерпывается лишь производящими материальные блага. Встречаются еще маститые ученые мужи, мечущие громы и молнии на головы тех, кто признает стоимостную природу услуг, производительный характер прилагаемого в их сфере труда. Тем временем японская экономика, словно в насмешку над этими поношениями, трансформируется в самую настоящую экономику услуг. И как раз в сфере услуг, включающих и образование, и здравоохранение, и индустрию информации, и индустрию досуга, поражающие воображение прорывы в части использования роботов и компьютеров идут, по существу, непрерывной чередой.

Поскольку и вообще весь экономический микрокосм наэлектризован ожиданиями подобных прорывов, сам термин «стабильность» в приложении к парку находящегося в эксплуатации оборудования утратил какой бы то ни было смысл.

Интенсивное внедрение наиболее оригинальных и эффективных научно-технических разработок как нельзя лучше отвечает эпохальному сдвигу в международном разделении труда: от вертикального типа, т. е. от обмена сырьем на готовую продукцию, к горизонтальному, т. е. к взаимобмену конечной продукцией. Уменьшая энергоемкость и материалоемкость продукции, сосредоточиваясь на выпуске наукоемких товаров, Япония шаг за шагом смягчает свою «сырьевую кабалу», освобождается от трудоемких производств и неуклонно расширяет и укрепляет плацдармы в области обмена готовыми изделиями высшего класса.

Ход этого обмена ясно указывает на конкурентное преимущество японских образцов, объясняемое, кстати, не столько меньшими издержками на рабочую силу, сколько лучшей организацией производства, сбыта и послепродажного обслуживания.

Под напором потока технических новинок серьезный шаг по пути индустриализации совершает сфера личного потребления. Управление сложными механизмами, которыми насыщаются домашние хозяйства, требует недюжинных

¹ The International Herald Tribune. 13.06.1985.

знаний и больших практических навыков, другими словами, затрат квалифицированного труда, доступного раньше всего молодым поколениям потребителей.

Мы, однако, погрешили бы против истины, не сказав о диссонансе, который вносится в величественную симфонию торжества достижений науки попытками определенных кругов Японии милитаризовать технический прогресс. В печати все чаще встречаются сообщения о разработке в стране новых видов военной техники, боеприпасов, материалов, предназначенных как для японских вооруженных сил, так и в конечном итоге для зарубежных клиентов. Этот курс расходования, по существу, впустую творческих возможностей человеческого интеллекта грозит экономике утратой всех тех многочисленных выгод, которые она получила благодаря по преимуществу «гражданской» направленности научно-технического прогресса в послевоенные годы.

Стремительное техническое обновление как профилирующая черта сегоднейшей обстановки в Японии — не единственный элемент прогнозной экспозиции книги. Вокруг этого опорного стержня авторы последовательно напластывают интересные (пусть и не всегда достаточно убедительные) соображения, касающиеся других факторов, которые «мостят» путь японской экономики. На практике комплексность действия неизбежно приглушает, маскирует их неповторимую специфичность. И если читатели имеют возможность изучить каждый из них в рафинированной форме, то это несомненная заслуга Х. Канамори и Д. Вада.

Вполне оправданно на стартовую точку анализа вынесена нефть. Значение этого вида минерального топлива для Японии общеизвестно. Дважды на протяжении одного десятилетия взлет нефтяных цен наносил тяжелейшие удары по экономике страны.

Кризис — слишком сложное явление, чтобы его можно было связывать с какой-нибудь единственной причиной. Но в японском случае заглавная роль внезапного изменения ситуации с нефтью неоспорима. Мало того, что вслед за ценами на сырую нефть подскочили и цены на нефтепродукты, на товары, приобретаемые с целью сократить потребление нефти (например, натуральный газ, уголь), на услуги, в производстве которых не обойтись без нефтепродуктов (например, авиатранспортные), — для оплаты потребителями нефтяных счетов из оборота были изъяты миллиардные средства, предназначавшиеся к расходованию на покупки товаров и услуг. Предприятия, специализирующиеся на их выпуске, лишились значительной доли спроса, оказались в депрессивном состоянии, что привело и к увеличению безработицы.

Синхронность распространения «нефтяных шоков» в пределах мирового рыночного хозяйства усугубила напряженность сложившегося положения².

Однако и «шок» 1973 г., и «шок» 1979 г. косвенно способствовали возникновению громадного неиспользуемого запаса нефти, которым располагают в настоящее время ее потребители и который исполняет функции амортизатора от возможных сжатий предложения. Он был накоплен как из-за сокращения спроса при длительном экономическом спаде с последовавшим затем вялым оживлением, так и благодаря мерам по консервации, переключению на альтернативные источники энергии, освоению новых месторождений.

Поэтому, по мнению авторов, в начале 80-х годов нефть превратилась в

² Здесь необходимо подчеркнуть, что хотя резкое повышение цен на нефть действительно являлось сильнейшим ударом для нефтепотребляющих стран мирового рыночного хозяйства, критика на страницах книги в адрес Организации государств — экспортеров нефти (ОПЕК) выглядит излишне односторонней. Как хорошо известно советскому читателю, поднимая цены на сырьевые и топливные товары, развивающиеся страны стремились обеспечить свое ускоренное экономическое развитие, с тем чтобы прежде всего преодолеть негативные последствия колониального господства, а также ликвидировать важный канал эксплуатации их монополистическим капитализмом — «ножницы» цен, с одной стороны, на сырье и топливо, продаваемые развивающимися странами развитым, а с другой — на готовые изделия, поставляемые последними первым. Иначе говоря, в глубинной основе их курса лежали объективные экономико-политические причины.

обычный объект внешней торговли, управляемый законами функционирования экономического механизма. «Соотношение между спросом на нефть и ее предложением,— говорится в книге,— четко отражается ценами, а конкурирующие заменители препятствуют их неоправданному повышению. Возможности превращения цен на нефть в фактор дестабилизации мировой экономики ощутимо сузились» (с. 48). Исходя из этого, Х. Канамори и Д. Вада высказывают предположение, что бремя, лежащее на японском энергетическом балансе, существенно облегчится.

Куда более туманными приходится считать перспективы продолжительного устойчивого оживления в окружающей Японию экономической среде. Положение и в США, и в западноевропейских странах, и на мировой капиталистической периферии предоставляет слишком мало материалов для надежных заключений о будущем.

Согласно генеральной схеме, набросанной авторами, подъем американской экономики, удерживающей лидерство в капиталистической экономике, возбуждает цепную реакцию, которая захватывает сначала высокоразвитые, а затем и развивающиеся страны. Хронологически центр тяжести схемы смещен во вторую половину 80-х годов: тогда и должно состояться, пожалуй, все главное из того, что ею предначертано.

Итак, читателям предлагается разновидность довольно хорошо известной теории «локомотива», теории вытягивания из рецессии одной страной остальных. Теория эта, надо сказать, проверялась еще в 70-х годах («локомотивом» пытались сделать Японию), но проверки не выдержала. Каковы ее шансы на сей раз?

Спору нет, порой и малозаметных перемен в состоянии американской экономики в целом или отдельных ее модулей (например, торгового баланса, банковского процента, курса доллара) оказывается достаточно, чтобы над капиталистическим хозяйством пронеслась настоящая буря. И это несмотря на известное ослабление позиций США по сравнению с прошлым, когда их доминирование было всесторонним и полным.

Но одно дело время от времени прогонять по капиллярам мировой экономики ударные волны и совсем другое — изо дня в день поддерживать в ней инерцию поступательного движения. Имея в виду требования этой последней задачи, поведение американской экономики трудно назвать обнадеживающим.

Когда Х. Канамори и Д. Вада еще работали над своей книгой (1983 г.), они смогли указать лишь на одно действительно крупное позитивное явление в динамике экономики США — «сдерживание инфляции». Оживление 1984 г., которые в иные месяцы сулило едва ли не возврат к прежним темпам роста, не набрало нужной устойчивости. При этом колоссальный дефицит государственного бюджета продолжал сохраняться, безработица оставалась огромной, а банковские учетные ставки если и обнаруживали кое-когда понижающие тенденции, то в очень узких пределах и в целом по-прежнему удерживались на высоком уровне.

Таким образом, исходящие от американской экономики импульсы не принадлежат к категории стимулирующих. Они, к примеру, способны скорее углубить, чем рассеять летаргию, в которую погружена западноевропейская экономика.

На экономическом горизонте Западной Европы авторам удалось разглядеть опять-таки одно-единственное светлое пятно — «снижение темпов инфляции». Что до прочих аспектов хозяйственного бытия, то имеет смысл привести здесь заметки американского журналиста С. Салливана, написанные уже после выхода книги Х. Канамори и Д. Вада.

С. Салливан пишет: «Экономика любой западноевропейской страны по рукам и ногам олутана деградирующими отраслями „дымовых труб“, которые необходимо обильно субсидировать, подвергать дорогостоящей реконструкции или ликвидировать со всеми вытекающими отсюда болезненными последствиями»; «западноевропейские бизнесмены признают, что они попросту опоздали на корабль революции интегральных схем в конце 70-х годов»; «число безработных в десяти странах Европейского экономического сообщества достигает 12,5 млн. человек, а во всей Западной Европе — 19 млн. Ежегодно к

списку безработных добавляется 1 млн. человек, и маловероятно, что эта цифра существенно уменьшится до конца десятилетия»³.

Попутно со всем этим идет мощный отток капиталов из Западной Европы в США. «Основная причина прилива капиталов в США,— отмечает обозреватель журнала „Ньюсуик“ Дж. Уилл,— состоит в том, что дефицит федерального бюджета способствует увеличению процента, привлекающего иностранных покупателей американских государственных и корпоративных облигаций. Благодарение богу, Рейгану, Кейнсу или кому-то еще! Без такого прилива американцам пришлось бы оплачивать настоящую стоимость их жизненного уровня — возмутительная идея! Иностранцы, благослови их, господь, ссужают американцам достаточные средства для того, чтобы они могли тратить больше, чем зарабатывают (это означает, что они потребляют больше богатства, чем производят). Иностранцам нравится сильный доллар»⁴.

Вероятно, кое-кому и нравится отток капиталов в США, но он безжалостно обескровливает инвестиционные фонды Западной Европы и тем самым подрывает материальную базу даже гипотетического роста экономики. Х. Канамори и Д. Вада войсину понадобилось мобилизовать весь свой оптимизм без остатка, чтобы в подобной обстановке положиться на теорию «локомотива».

Сомнения в ее действенности, по крайней мере на данном этапе, вызываются и зримыми политическими реалиями. Переизбрание Р. Рейгана на второй срок президентства, сохранение у власти консерваторов во главе с М. Тэтчер подсказывают, что монетаристские концепции будут и впредь с большей или меньшей последовательностью использоваться в экономической политике и США, и Англии.

А ведь отношение авторов данной книги к конкретным возможностям этих концепций — самое что ни на есть прохладное. Они отказываются ставить непосредственно им в заслугу даже торможение роста цен: «Какие же результаты дала эта „антикейнсианская“ политика? Выше отмечалось, что практически во всех развитых капиталистических странах начал быстро замедляться инфляционный процесс. Однако можно сказать, что это замедление является скорее не результатом политики, которая опирается на монетаристские концепции и концепции, придающие первостепенное значение сфере предложения, а итогом экономического спада, форсированного жесткими ограничениями в кредитно-финансовой области... „Когда допускаешь столь глубокую рецессию и столь массовую безработицу, легко обуздывать инфляцию“, — указывают критики тэтчеризма и рейганомики» (Х. Канамори и Д. Вада полностью солидаризируются с ними.— В. Р.). И далее: «продолжение монетаристской политики вряд ли автоматически вызовет оживление экономики», «интересы придания мировой экономике устойчиво „экспансионистской“ тенденции, видимо, требуют пересмотра „антикейнсианской“ политики, которая зашла слишком далеко» (с. 69—70).

Коль скоро, однако, глашатаи «антикейнсианской» политики (особенно Р. Рейган, ссылающийся на мандат, полученный от избирателей) настаивают на ее правильности и лишь призывают не торопиться с окончательными выводами о ее полезности, пересмотра, на который надеются Х. Канамори и Д. Вада, в ближайшие несколько лет, очевидно, не произойдет.

Разумеется, и без ясно обозначенной тяговой силы, которая работает «на всех», выход мировой капиталистической экономики из зоны перемежающихся кризисов в принципе возможен. Только по своим количественным и качественным параметрам он был бы еще скромнее предсказанного в книге: ведь авторы ставят сочетание внутренних потенций с оказываемым извне мультипликационным воздействием страны-«локомотива» в ряд основных средств, обеспечивающих достижение прогнозируемых ими показателей.

Впрочем, удельные веса обоих факторов в названном сочетании никем строго не устанавливались. Допустимо полагать, что сокращение доли воздействия извне компенсируется повышением доли внутренних потенций.

Главная из этих потенций у Японии — потенция опережающего роста про-

³ Newsweek. 09.04.1984, с. 10—11.

⁴ Newsweek. 23.04.1984, с. 90.

изводительности труда на базе знаменательных успехов научно-технического прогресса, в первую очередь в области электроники.

Здесь стоит специально упомянуть о сужающемся для японских предпринимателей выборе методов повышения производительности. В частности, сельское хозяйство — классический образец низкопроизводительной отрасли, представляющей рабочую силу отраслям высокопроизводительным, — почти целиком исчерпало свои возможности в данном плане. Это автоматически придает большую весомость техническому фактору роста производительности и во многом предопределяет масштабы и направленность инвестиционного процесса. Особо значительная сосредоточенность капиталовложений в сфере внедрения научно-технических новинок является еще одной могучей внутренней потенцией японской экономики.

И наконец, потенции эффективного использования рабочей силы. Долговременные демографические тенденции в стране не радуют экономистов. Падение коэффициентов рождаемости и смертности увеличивает долю старших возрастных прослоек в составе всего населения и его занятой части, что негативно сказывается на динамичности экономики.

Адаптация пожилых работников к быстро модернизирующемуся оборудованию представляет наибольшие трудности. Но кроме этого необходимо иметь в виду еще два обстоятельства, связанные с постарением. Во-первых, оно существенно отягощает социальную инфраструктуру, требуя дорогостоящего совершенствования системы образования, здравоохранения и пенсионного обеспечения. Во-вторых, ухудшает материальное положение и, следовательно, ослабляет трудовую мотивацию молодежи, которой приходится все в большей степени «подпирать» своими взносами пенсионные фонды.

Однако авторы с цифрами в руках (демографические прогнозы обычно очень точны) доказывают, что эти неблагоприятные моменты дадут о себе знать в полной мере лишь к концу текущего века. А до истечения прогнозируемого периода костяк наемного персонала в Японии будет по-прежнему состоять из неисполненных энергией «трудовых маньяков», способных быстро и оперативно решать самые сложные производственно-бытовые задачи.

При этом Х. Канамори и Д. Вада снова и снова возвращаются к тезису об «умиротворенности» отношений между наемным персоналом и администрацией на японских предприятиях, подчеркивая ее вклад в обуздание инфляционного повышения цен и возврат к стабильному экономическому росту. За этими частыми, но до крайности лаконичными ремарками скрывается исключительно тяжелая, мучительная проблема.

Кризис 1974—1975 гг. подтвердил резонанс опасений, которые высказывались многими наблюдателями по поводу особенностей, присущих японским профсоюзам. В суровых кризисных условиях и в последующий период перехода к умеренным темпам развития экономики особенности эти способствовали общему поправлению профсоюзного движения.

В виде свободных ассоциаций наемных работников профсоюзы появились в Японии сразу после ее поражения во второй мировой войне. Но 40 последовавших лет оказались слишком малым сроком для выработки в массах четкого профсоюзного сознания, для завершения классовой закалки рядовых членов профсоюзов, для распространения среди них представлений о том, что отлично знакомая высшая администрация данной, конкретной фирмы и есть тот самый абстрактный, анонимный «японский монополистический капитал», который является главным противником трудящихся.

Из числа причин такого положения надо прежде всего указать на продолжающееся господство пофирменного принципа организации профсоюзов. Среди компанейских профсоюзов около половины вообще не примыкает к ведущим профсоюзным объединениям страны, а остальные сохраняют почти полную автономию. Это идеально соответствует задачам насаждения на предприятиях квазисемейных отношений, идеологии сотрудничества между трудом и капиталом.

В годы быстрого экономического роста фундаментальной базой укрепления лояльности наемного персонала были регулярные и крупные прибавки к заработной плате. Ныне, при более чем удвоившейся норме безработицы, положение с которой, по оценке авторов книги, не улучшится и в том случае,

если темпы прироста валового национального продукта составят 5%, лояльность «покупают» в обмен на оставление работников в штатах.

Элемент капиталистического диктата, принявшего форму слегка завуалированной угрозы увольнений, в подобной модели налицо. Тем не менее, демонстрируя «понимание» ухудшившихся для предпринимателей условий хозяйствования, компанейские профсоюзные объединения снизили в конце 70-х — начале 80-х годов накал «весенних наступлений», забастовочной борьбы.

Более того, правое крыло в профсоюзном движении выступило с так называемой «основной концепцией» — откровенной программой «гармонизации» интересов труда и капитала. В настоящее время ее положения либо формально, либо фактически приняты многими профсоюзами, входящими в объединения Сохэ, Домэй, Тюрицу рорэн, Син самбэцу, а также нейтральными профсоюзами.

Конечно, в японском профсоюзном движении имеются силы, ведущие упорную борьбу за его оздоровление. Но пока им приходится очень тяжело, и «умиротворенность» отношений между трудом и капиталом на условиях последнего в течение какого-то периода будет поддерживаться.

Необходимо, однако, подчеркнуть безусловно временный, относительный характер затишья классовой конфронтации между предпринимателями и профсоюзами. Приливы и отливы в любом общественном движении неизбежны, и японское профсоюзное движение — не исключение.

Обладание перечисленными потенциями дает японской экономике некоторую фору, но, разумеется, не означает, что она сможет легко преодолевать трудности, с которыми непрерывно сталкивается. Большое место анализу этих трудностей отводят в своей книге и Х. Канамори и Д. Вада.

Выдвинув на первый план проблемы задолженности развивающихся стран, нестабильности международной валютной системы и внешнеторговых противоречий, авторы проявили тонкое понимание нюансов сложившейся к настоящему времени обстановки и альтернативных путей ее дальнейших изменений.

Повернутость Японии к внешней окружающей среде делает каждую из упомянутых глобальных проблем жгучей проблемой японской экономики, неустранимой помехой ее устойчивому росту. Генезис всех трех проблем показан в книге с образцовой научной строгостью.

Так, не задерживая внимания на малозначащих деталях, Х. Канамори и Д. Вада прямо указывают, что «главной причиной, породившей столь тяжкую задолженность, является отсутствие равновесия платежных балансов развивающихся стран. Их дефицит давно уже стал хроническим, но до начала 70-х годов он как бы не выступал на поверхность благодаря помощи (следует подчеркнуть здесь явно недостаточный и корыстный характер этой, с позволения сказать, «помощи». — В. Р.) со стороны капиталистических стран и международных организаций, а также возможности привлекать необходимые средства с международного рынка капиталов. Однако непосредственно после первого нефтяного кризиса абсолютные размеры совокупного дефицита резко возросли, между тем как повышение банковских учетных ставок привело к увеличению процентных выплат, а помощь развитых капиталистических стран, по сути дела, перестала расширяться» (с. 99—100).

Столь же определенно высказываются авторы и о несовершенствах системы плавающих валютных курсов, благодаря которой удалось несколько смягчить последствия «нефтяных шоков», но которая так и не сумела сообщить валютам капиталистических и развивающихся стран минимально необходимую устойчивость. С переходом к этой системе связывались надежды на автоматическое урегулирование балансов текущих операций и предотвращение спекулятивных перемещений капиталов. Однако в большинстве тех случаев, когда система должна была бы сработать, она оставалась, как следует из книги, поразительно инертной. И отрадные, и нежелательные колебания балансов текущих операций продолжают «вне какой бы то ни было связи с автоматическим регулированием», а «спекулятивные переброски капиталов не только не прекратились, но и значительно увеличились, вызвав рост амплитуды колебаний валютных курсов» (с. 107).

Наконец, Х. Канамори и Д. Вада с завидной уверенностью выходят к

глубинным истокам проблемы внешнеторговых противоречий. Они с полным основанием усматривают их в росте безработицы, несущей в себе семена острых социальных конфликтов. Государство монополистического капитализма всячески стремится не допустить расширения масштабов безработицы сверх того «приемлемого» лимита, за которым возникает угроза самому его физическому существованию. Протекционистская политика, провоцирующая внешнеторговые столкновения, является органической составной частью мер, направленных на предотвращение подобного расширения безработицы. Х. Канамори и Д. Вада пишут: «Главной причиной частых всплесков внешнеторговых противоречий является ухудшение ситуации с наймом, которое сопровождается экономическими спадами. Когда экономика обладает мощными потенциями роста, когда сдвиги в ее структуре осуществляются без каких бы то ни было затруднений, рабочая сила, которая покидает отрасли, утратившие в ходе развития внешней торговли „сравнительные преимущества“, быстро поглощается прогрессирующими отраслями, и проблема безработицы редко превращается в хроническую социальную проблему. Однако в начале 80-х годов вся мировая рыночная экономика одновременно оказалась в кризисном состоянии, и доля безработных в странах Западной Европы и США достигла 10% численности трудоспособного населения» (с. 114).

Угнетающее воздействие проблем задолженности развивающихся стран, нестабильности международной валютной системы и внешнеторговых противоречий на японскую экономику сильно, причем осуществляется оно в самых различных формах. К примеру, те средства, которые могли бы быть использованы странами-должниками для укрепления своего экономического потенциала, а следовательно, и для приобретения японских инвестиционных товаров, стремительно поглощаются одними лишь процентными выплатами (не говоря уже о погашении основных сумм займов). Иначе говоря, экспортные рынки Японии в этих странах утрачивают былую емкость. Хаотические колебания валютных курсов также сдерживают увеличение японского экспорта и к тому же мешают плавному развертыванию процесса структурной перестройки экономики, провоцируют повышение внутренних цен. Ну, а внешнеторговые противоречия, которые становятся все более комплексными, охватывают все более широкий набор отраслей, постоянно несут с собой угрозу тотальной протекционистской войны.

Помимо прочего, воздействие рассматриваемых проблем на японскую экономику выражается в т.з. воле, беспокоействе, неуверенности предпринимательских кругов. Этими настроениями диктуется их поведение и в инвестиционной сфере, и в сфере производства и внешней торговли (психологический фактор экономического развития вообще достойно представлен в книге).

Авторы не строят ровным счетом никаких иллюзий относительно возможностей устранить трудности, осаждающие японскую экономику «извне».

Касаясь задолженности развивающихся стран, они пишут: «Рассчитывать на то, что эта проблема легко и просто канет в небытие, вряд ли возможно» (с. 98).

Перспективы международной валютной системы оцениваются ими следующим образом: «...пожалуй, стало уже очевидным, что и в 80-е годы никакого субститута системы плавающих курсов не отыщется»; «обеспечение стабильности курсов останется главной целью управления международной валютной системой в 80-е годы, но продвижение к этой цели будет, вероятно, очень медленным» (с. 98, 110).

Что до внешнеторговых противоречий, то, по словам Х. Канамори и Д. Вада, «о полном их исчезновении в будущем не приходится и мечтать» (с. 98).

Сознавая, следовательно, неразрешимость этих проблем, по меньшей мере в границах прогнозируемого периода, авторы все же выдвинули несколько предложений в порядке реагирования на их проявления. В значительной своей части эти предложения связаны с коллективными мероприятиями ведущих капиталистических стран.

Так, с помощью сотрудничества и взаимодействия частных, государственных и международных учреждений предполагается нормализовать положение с задолженностью, а согласованные вторжения государств на валютные рынки

рассматриваются в качестве «реалистического средства» воздействия на колебания курсов.

Упомянут авторы и на сближение, а то и на выработку единых позиций стран — участниц Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ) на их министерских конференциях (они даже дают понять, что существенную роль в деле смягчения внешнеторговых противоречий могла бы сыграть рекомендация об усилиях, направленных на «сокращение масштабов» протекционизма, которая, однако, была исключена из проекта декларации министерской конференции 1982 г.).

С нашей точки зрения, эти предложения представляют собой не что иное, как прекрасноречивые благопожелания, хотя они и сопровождаются вполне здоровой аргументацией. Действительность капиталистической экономики раз за разом преподносит неопровержимые свидетельства абсолютного преобладания противоречий над согласованными подходами.

Видный английский экономист А. Сэмпсон писал в начале 1984 г.: «„Интернационализм“, который в 60-х годах был составной частью западного кредо, становится теперь все более подозрительным словом. После двенадцати месяцев (1983 г.—В. Р.) разнонаправленных экономических колебаний наблюдается очень мало признаков изменения позиций. Убедит ли более серьезный мировой кризис в 1984 г. различные государства в необходимости действовать совместно или же он заставит их в страхе погружать головы все глубже в песок?»⁵. Кризис, правда, не обострился, но и сотрудничества не прибавилось.

Кстати, именно проблема внешнеторгового протекционизма может быть в данном случае самой красноречивой иллюстрацией. Протекционизмом грешат все капиталистические страны, и Япония, столь заинтересованная, судя по материалам книги, в свободной торговле, находится отнюдь не в замыкающих рядах «оградителей» внутренних рынков.

Х. Канадори и Д. Вада подробно разбирают, в частности, положение на японском рынке сельскохозяйственной продукции, часть которой, в первую очередь цитрусовые и говядина, прикрыта особенно прочными протекционистскими бастионами. Призывая к либерализации импорта этой продукции, авторы остро полемизируют со своими многочисленными оппонентами, чьими доводами длительное время оправдываются изощренные методы государственной охраны внутреннего рынка от посягательств со стороны зарубежных производителей.

Самым серьезным доводом является ссылка на катастрофические последствия либерализации для животноводческих и цитрусовых хозяйств. Однако в книге хорошо показано, что, во-первых, рациональное управление экономической несовместимо со всеобщей благотворительностью, во-вторых, либерализация может быть осуществлена с минимальным уроном для местных производителей; в-третьих, учет интересов горстки местных производителей должен быть дополнен учетом интересов массы потребителей, которые несут ощутимые материальные потери вследствие завышенных цен на отечественную сельскохозяйственную продукцию.

К этому допустимо присовокупить и еще одно соображение. Либерализация импорта такого продукта, как говядина, не обязательно повлечет за собой «затопление» ею японского рынка. Дело не только в насыщении внутреннего рынка мясными продуктами и растущем «потребительском национализме», направляющем массы на закупки отечественных изделий. В настоящее время спрос на продовольствие все больше управляется не ценовым уровнем, а соображениями, связанными с охраной здоровья. Повальное увлечение японцев вестернизацией своей национальной диеты проходит. Западный рацион питания с его избытком жиров воспринимается в стране все с большим скептицизмом.

Оснований для этого предостаточно. Например, согласно результатам многолетних исследований, проводимых американским эпидемиологом А. Кейсом, у финнов, диета которых особенно сильно насыщена жирами, отмечается и наивысший уровень содержания холестерина в крови, и наивысший уровень

⁵ Newsweek. 02.01.1984, с. 46.

сердечных заболеваний. Американцы занимают по этим показателям второе место.

«Однако у японцев, в диете которых мало жиров, содержание холестерина в крови и масштабы сердечно-сосудистых заболеваний — минимальны. Частота сердечных приступов с летальным исходом в Японии составляет $\frac{1}{4}$ соответствующего показателя для США. Судя по одному из позднейших обследований, среди японцев, переехавших в США и освоивших западную диету, норма сердечных заболеваний оказывается в десять раз большей, чем среди их соотечественников на родине»⁶.

Но, как бы там ни было, в ближайшие годы нельзя ожидать ни односторонней ликвидации Японией протекционистского режима, ни коллективной акции главных капиталистических стран, направленных на реальное достижение аналогичной цели в рамках мировой рыночной экономики. Вялость хозяйственной конъюнктуры, насущные потребности обострившейся борьбы политических партий за расширение парламентского представительства, деятельность могущественных групп давления, выступающих от имени заинтересованных производителей, не позволят взорвать тепличные условия, в которые поставлены многие низкопроизводительные отрасли.

Гораздо более «земной», хотя и дискуссионный, характер у тех авторских предложений, которые связаны с состоянием государственных финансов и ориентацией административно-финансовой реформы.

Х. Канамори и Д. Вада высказывают сомнение в необходимости сокращения размеров бюджетного дефицита как первоочередной меры государственной экономической политики. Занять такую позицию их побудили и опыт прошлого, когда оборотной стороной фокусировки внимания на проблеме дефицита государственного бюджета было игнорирование углублявшегося кризиса, и качественные различия проблем бюджетного дефицита в Японии и других странах Запада (отсутствие у Японии внешней задолженности и наличие колоссального фонда личных сбережений, могущих быть использованными для финансирования бюджетного дефицита).

«Речь идет, следовательно,— пишут Х. Канамори и Д. Вада,— о различных иерархиях приоритетов: уделять главное внимание обеспечению бюджетного равновесия или равновесия всей национальной экономики. Когда задумываешься о методах руководства этой последней в будущем, то невольно спрашиваешь себя: не следует ли даже допустить на короткое время увеличение бюджетного дефицита, с тем чтобы энергичными мерами конъюнктурной политики, включая и финансовые, восстановить прежде всего нормальное функционирование экономического механизма, а затем — и равновесие государственного бюджета?» (с. 233—234).

Что и говорить, интересное, заманчивое предложение, предложение, точно укладывающееся в русло развиваемой в книге концепции отбрасывания ограничений, сдерживающих экономический рост. Но случайно ли оно подается читателю не в типичной для Х. Канамори и Д. Вада уверенно наступательной манере?

Думается, не случайно. Опыт прошлого включает и примеры, не совсем, что ли, удобные для авторов.

В 1977—1978 гг. правительство Т. Фукуда, которое взбадривало конъюнктуру в общем-то по нынешним авторским рецептам, так и не сумело переломить тенденцию к возрастанию бюджетного дефицита. Правда, уже в 1979 г. его усилия были перечеркнуты вторым «нефтяным шоком».

Остается только гадать, как развивались бы события, не случись этого «шока». Но, памятуя о неудачных попытках фукудовского кабинета, Х. Канамори и Д. Вада явно не решаются твердо поручиться за благоприятные последствия своего предложения и поэтому облачают его в форму риторического вопроса, сама тональность которого отражает их колебания.

С несравненно большей решительностью они предлагают отказаться от прямого ассоциирования административно-финансовой реформы с ликвидацией кризиса государственных финансов. Как подчеркивается в книге, «все чаще наблюдаются попытки смешивать проведение этой реформы с оздоров-

⁶ Time. 26.03.1984, с. 36.

лением государственных финансов, что, например, отражается высказываниями типа: „Пока осуществляют административно-финансовую реформу, бюджетные расходы не увеличиваются“. Представление о непосредственной связи административно-финансовой реформы с оздоровлением государственных финансов ошибочно, их с самого начала надлежит четко отделить друг от друга. Административно-финансовая реформа нацелена на преодоление неэффективности правительственного аппарата, она, собственно говоря, должна претворяться в жизнь постоянно, вне зависимости от того, существует или не существует бюджетный дефицит. Со своей стороны, увеличение или сокращение бюджетных расходов необходимо проводить в зависимости от текущего состояния конъюнктуры» (с. 235—236).

Мысль о выведении административно-финансовой реформы из разряда ограниченной во времени кампании плодотворна. Предприятие подобного размаха должно быть чуждо такое понятие, как «завершение», ибо, по словам известного писателя, «всякое завершение уже дышит застоем и смертью»⁷.

Кому не известна поистине вневременная способность государственной бюрократии выдумывать для себя новые и новые занятия с единственной целью оправдать свое существование?

В Японии потребности борьбы с расточительством, которое вызывается бюрократическими ухищрениями, назрели довольно давно, хотя административный аппарат здесь до сих пор не столь громоздок и дорог, как в других ведущих капиталистических странах.

К сожалению, под лозунгами выкорчевывания расточительства организуется и наступление на завоевания трудящихся в области образования, здравоохранения, пенсионного обеспечения и т. д. Но это никак не умаляет актуальность проблем, связанных с действительной неэффективностью правительственного механизма, государственного сектора в экономике, работа которых оплачивается налогами с тех же трудящихся. И в большинстве своем это проблемы расходов, в том числе и бюджетных ассигнований.

Неудивительно, что сильнейшая оппозиция административно-финансовой реформе исходит из недр государственного аппарата, вернее, от тех его звеньев, которым реформа угрожает минимум сокращением «денежного довольствия». Как видно, этим отчаянным сопротивлением не на шутку встревоженной бюрократии и продиктовано стремление авторов сделать акцент на стратегической сверхзадаче реформы — борьбе с неэффективностью, обособив тактические средства ее решения, включающие и оздоровление государственных финансов.

Описанные трудности, с которыми сталкивается японская экономика, не сойдут со сцены до окончания текущего десятилетия, и авторы были вынуждены принимать их в расчет, составляя свой прогноз.

По их собственному признанию, прогнозирование — дело неблагодарное и суть его — не в угадывании цифр, а в том, чтобы уловить тенденцию. Но даже если допустить, что им удалось этого добиться, пафос книги, по нашему убеждению, заключается, повторяем, в высокопрофессиональном анализе современной обстановки, лежащих на поверхности и скрытых мотивов ее дальнейшей эволюции.

Оценки Японии, с которыми встречаешься в западной литературе, поразительно многообразны. В одних сквозит умиленность несущественными мелочами, в других лежит легко узнаваемая печать склада мышления, застывшего в удручающей неподвижности со времен трагедии в Перл-Харборе. Надо надеяться, что труд Х. Канамори и Д. Вада будет способствовать развенчанию этих крайностей и распространению оценок, соединяющих в себе бескомпромиссность методологических установок с непредвзятостью полевых наблюдений.

В заключение необходимо указать: авторы прекрасно понимают, что первейшим условием реализации их прогноза является сохранение мира во всем мире.

Их позиция в этом вопросе куда дальновиднее, чем у иных государственных деятелей Японии, занятых составлением военно-стратегических докт-

⁷ Цвейг С. «Данте». — Собрание сочинений. Т. 7. М., 1963, с. 373.